

К ЮБИЛЕЮ Н.А. ЦАГОЛОВА

В.Н. Черковец¹,

МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

К РЕНЕССАНСУ ПЛАНОМЕРНОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РОССИИ?²

В статье рассматриваются противоречия российской экономики в контексте принятия Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Отмечается противоречивость планирования в условиях движения по рыночному пути развития. Подчеркивается, что планирование в условиях сохранения господства частно-капиталистической собственности на средства производства не решает полностью задачу выведения экономики на траекторию устойчивого развития.

Ключевые слова: планомерность, целеполагание, прогнозирование, централизованное планирование народного хозяйства, стратегическое планирование в рыночной экономике, государственная собственность и частные корпорации.

V.N. Cherkovets,

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

TO THE RENAISSANCE ORDERLY FUNCTIONING AND DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN ECONOMY?

The article examines the contradictions of the Russian economy in the context of the federal law “On the strategic planning in the Russian Federation”. The contradictory nature of planning on the way to market development is noted. It is emphasized that planning while maintaining the dominance of private capitalist ownership of the means of production does not entirely solve the problem of bringing the economy onto the path of sustainable development.

Key words: balanced development, targeting, forecasting, centralized economic planning, strategic planning in a market economy, public ownership and private corporations.

¹ Черковец Виктор Никитич, докт. экон. наук, профессор, засл. деятель науки РСФСР, гл. науч. сотр. кафедры политической экономии экономического ф-та; тел.: +7 (495) 939-31-17; e-mail: cherkovets@econ.msu.ru

² К юбилеям кафедры политической экономии экономического факультета МГУ и профессора Н.А. Цаголова.

В этом году экономический факультет МГУ отмечает два юбилея — кафедры политической экономии и ее заведующего в 1957—1985 гг. Н.А. Цаголова. О научном наследии кафедры времен руководства Н.А. Цаголова высказано и написано достаточно. Но главное достижение того времени — создание Курса политической экономии: в двух томах (далее — Курс), выдержавшего в огне дискуссий три советских и ряд зарубежных изданий. В представленной статье рассматривается один из главных, не утративших актуальности спустя полстолетия ключевых моментов Курса так, как он был озвучен в первом издании.

Курс политической экономии под редакцией Н.А. Цаголова разработал в системе законов и категорий политической экономии социализма (II том) *планомерность* функционирования и развития социалистической экономики в блоке объективного экономического закона планомерности (сущность) с централизованным планированием и плановым управлением народным хозяйством в качестве *наиболее общей формы движения* социалистической экономики и теоретически *исходным пунктом ее логического воспроизведения* методом восхождения от «абстрактного к конкретному» как системы. Это положение сопрягалось с отрицанием товарного (рыночного) *характера* социалистического производства наряду с признанием сохранения в плановой экономике реальных товарно-денежных отношений и закона стоимости и необходимости их эффективного использования. Далеко не все советские экономисты соглашались с этим, одним из главных, положений Курса, хотя большинство из них стояли на позиции признания «закона планомерного (пропорционального) развития социалистического хозяйства».

Третьего июля 2014 г. произошло событие эпохального значения. Общенациональный печатный орган Правительства РФ «Российская газета» (№ 146 (6418)) опубликовал полный текст Федерального закона РФ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Закон был принят Государственной думой 20 июня 2014 г., одобрен Советом Федерации 25 июня 2014 г. и подписан Президентом Российской Федерации 28 июня 2014 г. По своему содержанию, характеру, целям и задачам он выделяется из ряда законов, принятых после распада СССР в области экономики и всего социально-экономического строя страны. Только обыватель или хитроумный либерал, противник и яростный борец с самой идеей и реальной практикой плановой экономики могут не понять и «не заметить» особой роли этого закона, состоящей в том, что он определяет правовые основы существенного изменения в структуре современной модели российской экономической

системы, в механизме ее функционирования как развивающейся рыночной экономики и социально-экономического развития страны в целом, всех субъектов федерации (как отдельно взятых, так и в составе макрорегионов) и муниципальных образований. Само *стратегическое планирование* понимается в законе широко, включая такие ингредиенты, как целеполагание, прогнозирование, собственно планирование, программирование, и ведется на трех уровнях: федеральном, субъектов федерации и муниципальных образований. То есть оно должно стать по сути *всеобщей формой* деятельности по общегосударственному регулированию экономики и социальной сферы. Это уже не общепризнанные черты (формы, элементы) рыночной экономики в той ее современной форме, когда осуществляется активное, но частичное государственное регулирование, так называемая «смешанная экономика» в виде сочетания некоторых государственных функций регулирования экономики и превалирующих по своей роли рыночных механизмов (внутриотраслевая и межотраслевая конкуренция, свободное ценообразование, не управляемая сверху миграция капиталов за границу и обратно и т.д.). Стратегическое планирование, как оно определяется в указанном законе, выходит за рамки традиционных, имманентных признаков рыночно-капиталистического хозяйства.

В этой связи возникает противоречие в идеологических, методологических и теоретических рамках Курса и реальной динамики перехода России к рыночной экономической системе, ставящее под сомнение прямолинейный возврат страны к капитализму, указывающее на необходимость считаться с исторической закономерностью и особенностями национальной специфики.

Вряд ли можно отрицать, что одним из ключевых вопросов критики советской экономической системы либеральной частью управленцев и представителей науки наряду с проблемой общенародной собственности на средства производства был вопрос о плановой экономике с ее централизованным долгосрочным, среднесрочным (пятилетки) и годичным планированием народного хозяйства. Атака на эти краеугольные категории экономической системы социализма, которая постепенно разворачиваясь и усиливаясь, была инициирована, по существу, идеологическим настроем XX съезда КПСС («новое мышление!»). Опуская детали истории этого поворота в идеологии правящей партии, нужно отметить, что в программе дальнейшего развития социализма произошло становление претензионной новой теоретической «парадигмы» ускоренного перехода к высшей, идеальной фазе коммунизма как антикапиталистического строя. Дальнейшие события, особенно в 80-х гг. прошлого века, показали, к каким результатам эта линия

привела. Отказ от народно-хозяйственного плана на 1990 г. сразу же привел к первому после Великой Отечественной войны спаду общественного производства (совокупный общественный продукт и национальный доход в 1990 г. упали на 4 и 2% соответственно), дал старт на финишном этапе советской экономики перманентному экономическому кризису, превратившемуся в результате в трансформационный кризис, не завершившийся полностью до сих пор.

Системе стратегического планирования уже трудно найти место в Вашингтонском консенсусе, в либерально-монетарной неоклассике, соединиться с методологическим индивидуализмом, принципом реальных ожиданий, загадочными маршрутами движения капиталов в финансово-кредитной сети, ложными показателями фиктивного капитала. Стратегическое планирование с обозначенным в законе содержанием не имеет прямых мостов и к кейнсианской модели. Скорее, здесь обозначается (возможно, и неосознанно) «дорожная карта» к «социально ориентированной рыночной экономике» с усиленным по сравнению с рядом европейских стран новым социальным моментом, но без отказа от частнокапиталистической собственности вообще и от ее олигархической разновидности в особенности. Однако остается непонятным, попадает ли частный сектор в сферу деятельности по стратегическому планированию. Из текста документа ясно только, что в эту сферу входят корпорации с долей государственного участия, но о частных корпорациях в законе ничего не говорится. Можно предположить, что стратегическое планирование ограничивается по закону только государственными и государственно-частными объектами. С этой точки зрения понятие «стратегическое планирование», данное в нормативном акте, применяется к какому-то варианту «смешанной экономики».

В законе нет теоретических объяснений соотношения организуемой системы стратегического планирования и системы «централизованного планирования народного хозяйства» в структуре советской плановой экономики (общность, различие, отрицание). Нет также теоретического обоснования необходимости введения стратегического планирования в рыночную экономику, располагающую собственными специфическими регуляторами взаимодействия производства и потребления, спроса и предложения, сбалансированности отраслей и аллокации (перемещения) капиталов и др. Почему возникает необходимость реконструкции рыночного механизма и существует ли возможность согласованного взаимодействия регуляторов двух принципиально противоположных типов экономических систем? Конечно, правовой закон не должен выполнять миссию научных политэкономических доказательств

подобного рода. Но они должны быть представлены и научному сообществу, и более популярно — гражданам страны. Но таких доказательств нет ни в зарубежных, ни в российских научных публикациях высокого уровня. Нет их и в широко распространенных учебниках об экономикс, используемых для преподавания экономической теории в российских вузах. Молчат на сей счет пересказывающие западных авторов российские учебники макроэкономики, идеологически нацеленные на дискредитацию плановой экономики с ее механизмами общенационального централизованного планирования в сочетании с полным хозрасчетом государственных предприятий. О государственном планировании, определяющем целеполагание производственной деятельности отдельных корпораций, ничего не говорят и авторы учебников о микроэкономике, признающие в качестве цели производства действительный объективно и субъективно присущий природе капиталистического хозяйствования факт извлечения максимума прибыли (прибавочной стоимости). Ясно, что какие-либо другие варианты целеполагания от имени общества в форме государственных интересов, приоритетов социально-экономического развития и мер по обеспечению национальной безопасности, закладываемых в социально-экономическую и бюджетную политику, реализуемую через прогнозирование, планирование и программирование, будут находиться в противоречии с фундаментальной целью капиталистического предприятия. Игнорировать эту цель невозможно, так как микроэкономическая структура капиталистического способа производства (экономикс) является его первоосновой и исходным пунктом его макроэкономической части. Нельзя также не учитывать, что олигархическая верхушка капитала своими корнями уходит в микроэкономическую почву. Олигархические интересы раздваиваются. И далеко не факт, что общенациональная часть этих интересов одержит верх. Если руководство России (в широком смысле) законодательно вводит систему стратегического планирования, оно должно законодательно утвердить принцип приоритета общенациональных интересов и механизм их связи с микроэкономическими целями предпринимателей, включая меры их ответственности за реализацию принятых ими обязательств в решении общенациональных задач.

Внедрение такой системы стратегического планирования означало бы еще один крупный шаг в направлении социально ориентированной рыночной экономики, дальнейшее продвижение процесса *социализации* экономики пока еще в условиях сохранения рыночно-капиталистического строя. Этот процесс, уже давно идущий как бы по ступенькам растущего реального обобществления

производства в развитых капиталистических странах Запада, имеет в России следующую существенную особенность: до развала СССР он происходил в иных общественно-экономических и политических условиях советского социализма как результат *планомерной индустриализации* всех (хотя и в разной степени) отраслей и регионов на всем пространстве народного хозяйства страны. Таким образом, реставрация капитализма в 1990-х гг. происходила на более высоком уровне социализации, принявшей капиталистический характер по аналогии с процессами высокого обобществления производства в западных капиталистических странах. Однако этот переход при полном отказе от централизованного планирования народного хозяйства из-за грабительской приватизации государственных предприятий и свободного ценообразования обернулся для России разрушением материально-технической базы, особенно в обрабатывающей промышленности, сократившей наполовину объем производства (традиционная для нашей страны легкая промышленность упала до 4%). К настоящему времени в России при преобладании частной собственности и при отсутствии планирования для полного восстановления объемов производства 1990 г. не хватило почти 25 лет. Неэффективность бесплановой рыночной системы с приоритетами частной собственности на средства производства в течение прошедшего периода очевидна. Возвращаться к преобладанию государственной собственности высшее управление страной не собирается. Более того, оно готовит новую волну приватизации. А вот курс на создание системы стратегического планирования дает повод думать о частичном возвращении системы планового ведения и развития национальной экономики, о сохранении некоторого опыта советской экономической системы. В данном случае речь идет не о некоей «конвергенции» капитализма и социализма. Россия и по Конституции РФ, и по целевым установкам переходного периода, и по структуре и содержанию складывающихся общественно-производственных отношений идет по капиталистическому пути социально-экономического развития, т.е. по пути, противостоящему, отрицающему социализм как определенное историческое общественно-экономическое устройство и образ жизни людей. Речь идет об использовании капитализмом ряда элементов социализма для «лечения», укрепления, повышения эффективности его рыночной системы и в конечном счете для его сохранения, выживания. Когда-то великий французский экономист-классик Ф. Кенэ сравнивал государство с лекарем, которого призывают в экономику, если она заболевает, чтобы ее подлечить. Дж. Кейнс фактически с аналогичной целью искал методы государственной бюджетной и кредитной политики, чтобы вывести

капитализм из депрессивного состояния. Нечто подобное можно увидеть в апелляции российского руководства к системе стратегического планирования, которое было органическим элементом государственного централизованного планирования народного хозяйства в СССР, являвшегося главной формой осуществления (проявления) *планомерности* — объективного экономического закона социализма на базе общенародной собственности на средства производства, исходного пункта системы категорий экономической теории социализма. Ни термина «конвергенция», ни понятия «государственный капитализм» в Законе о стратегическом планировании нет, что отражает, судя по всему, с одной стороны, идеологию классического либерализма, непризнания социализма как закономерной общественной системы и, с другой стороны, отрицания вмешательства государства вообще в процесс функционирования рыночной экономики («чем меньше в экономике государства, тем лучше»). Переход же к государственному капитализму как всеобщей системе, в которой полностью доминирует государственное предпринимательство, объективно несовместим с капитализмом вообще, так как означает, по существу, ликвидацию частного сектора в экономике и ее рыночной природы. Государственный капитализм сохраняет свою сущность только как сектор «смешанной экономики». Именно в боязни возможной перспективы приоритетного развития госкапитализма кроется самая глубокая причина политического противостояния класса капиталистов, особенно его олигархической части, этому процессу, даже в форме так называемого партнерства с государством в совместных инвестициях и корпорациях.

Такая тенденция известна уже давно как противодействие отмиранию частной собственности. Классический пример с частной собственностью на землю, являющейся причиной образования абсолютной земельной ренты и присвоения ее земельным собственником вместе с частью дифференциальной земельной ренты, возникающей на лучших землях, объясняет причину непринятия представителями капитала идеи национализации земли с исчезновением абсолютной ренты, снижением цен на сельскохозяйственные продукты и передачи государству для общенациональных нужд части дифференциальной ренты. Выгоду для всего общества перевешивают опасения посягательства на частную собственность вообще. Отсюда возникает желание не допустить национализации всей земли, не дать расширяться государственному капитализму и теснить частный капитал.

Вопрос о земле архиважен для России с ее огромным географическим пространством. Землю, населенную российским народом,

надо оценивать во всех ее «ипостасях». Она не только место обитания человека и предоставляет ему естественные условия жизнеобеспечения. Земля — всеобщий предмет человеческого труда, основа создаваемых потребительских благ («труд — отец богатства, земля — его мать»), это поле для земледелия, пастбище для животных, почва для лесных массивов, кладовая полезных ископаемых, источник и ложе водных ресурсов и т.д. Земля, согласно Конституции РФ (ст. 9), «основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории», и в то же время она находится в «частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности». Но как можно истолковать основу жизни народов, т.е. народную собственность как частную, и соединить ее с продажей и куплей? Аренда — это другой вопрос. Как формируется цена земли в условиях российской рыночной экономики практически и теоретически? Отдельно стоит вопрос о собственности на природные ресурсы. Если они «народные» и находятся в собственности у государства, то как объяснить монополию на них государственных или частных корпораций, для которых это источник миллионно-миллиардных доходов их управляющих директоров, отдельных собственников, реализующих в своих интересах данную монополию? Нельзя пройти мимо и экологических проблем окружающей среды в связи с общественным воспроизводством, хищническим использованием ограниченных природных богатств, доступных человечеству. Общечеловеческая, национально-страновая и региональная задача заключается в сохранении богатств земли, что вдвойне важно для России, живущей сейчас на базе сырьевой экономики. И это еще один аргумент в пользу стратегического планирования с жестким обеспечением реализации его научно обоснованных индикаторов.

Ограничиться одним прогнозированием (с тремя или двумя вариантами прогноза) наша экономика уже не может, так как вошла в полосу почти без экономического роста. Всего 0,5% роста ВВП ожидало Минэкономразвития России в 2014 г., снизив свои надежды на 2015 г. с 2 до 1%, на 2016 г. — с 2,5 до 2,3%, а на 2017 г. — с 3,3 до 3,0%. Это предположения, а не обязательный для исполнения план. Первый квартал 2015 г. дал дальнейшее снижение темпов роста ВВП и других показателей, сохраняя, по новым «прогнозам», состояние кризиса по крайней мере еще на 2 года. Совершенно обоснованно в соответствии с Законом о стратегическом планировании был признан (гл. 15) утратившим силу Федеральный закон от 25.07.1995 № 115-ФЗ «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации», который утвердил в самый разгар эконо-

мического кризиса отказ от планирования вообще, в силу чего программы оказались столь ожидаемо неопределенными, что и разноцветные предсказания и предположения. Теперь прогнозирование превращается в необходимый и работающий (хочется надеяться) элемент системы стратегического планирования, на базе которого должно осуществляться собственно планирование (разработка плана), реализующееся в программах социально-экономического развития РФ, субъектов РФ, муниципальных образований, а также отраслей экономики, сфер государственного и муниципального управления, обеспечения национальной безопасности страны. Вводится мониторинг и контроль реализации документов *всей системы* стратегического планирования. В Законе о стратегическом планировании она не именуется, как в советской экономике, системой *централизованного* планирования народного хозяйства. Однако единство централизации и децентрализации здесь присутствует де-факто. Принцип децентрализации использовался в советском плановом управлении, поскольку реальный хозрасчет основывался на относительной хозяйственной самостоятельности предприятий (объединений), которые к тому же могли производить и сверхплановую продукцию. Однако рыночная экономика по самой своей природе исключает директивность централизованного планирования или допускает ее в ограниченной мере по отношению к государственным корпорациям и отдельным государственным программам.

Первородные истоки идеи планомерного развития генетически заложены в самой природе человеческого труда, в его *целесообразном характере*. Говоря словами классика, человек всегда, при любых общественных условиях, в отличие от «пчелы», *планирует* свою собственную работу, соединяя в процессе умственный и физический труд. Не случайно, прибегая к аналогии, можно утверждать, что и Закон о стратегическом планировании, определяя его участников, на первое место ставит деятельность в процессе *целеполагания* (гл. 1, ст. 1, п. 3). Конечно, нельзя ставить знак равенства между отдельным человеком с его индивидуальным трудом и обществом с совокупным общественно-разделенным и в то же время связанным экономическими отношениями трудом, между «микропланом» индивида и «макропланом» государства, общества. Между ними долгая историческая эволюция с различными степенями, но эти ступени «завернуты» в логику современной структуры общественного труда, воспроизводятся в ней, хотя не все направления этой эволюции приводят экономику непосредственно к высшей «целесообразности» — стратегическому и текущему планированию народного хозяйства в масштабе страны, ее

комплексного социально-экономического развития. Целесообразный характер приобретает кооперация труда в ее различных видах, на различных уровнях и при стандартном капитализме. Но рыночной экономике в силу частной собственности на средства производства подходит в самой большей степени «смешанная» государственно-корпоративная система с массой обслуживающих мелких вспомогательных структур, и по самой своей природе она не нуждается и даже противостоит системе обязательного для исполнения стратегического плана, хотя стратегический прогноз с его многовариантными предположениями (нередко напоминающими гадания на кофейной гуще) вполне устраивает частный капитал.

Введение стратегического планирования ставит теперь перед ретриками российского либерального фронта трудную задачу. Если Закон о стратегическом планировании интерпретировать только в институциональном смысле, ограничиваясь организацией системы взаимодействующих учреждений, которые подготовят указанные в Законе соответствующие документы и будут контролировать их исполнения, то задача, конечно, облегчается. В Законе о стратегическом планировании предусматривается создание (наличие) федеральных органов, которые на основе ежегодных посланий и указов Президента должны разрабатывать прогнозы и стратегию социально-экономического развития страны на шесть лет и другие документы, осуществлять функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию, обеспечению национальной безопасности страны и т.д. В Законе также указывается, чем должны заниматься в системе стратегического планирования субъекты Федерации и муниципальные образования. В нормативном документе не даются названия соответствующих федеральных органов, однако по определению задач и функций можно предположить создание аналогов таких мощных институтов, как Государственный Комитет по науке и технике и Госплан СССР, что усиливает вывод о некоем ренессансе механизма плановой экономики. Однако характер системы планирования — директивный, частично директивный, индикативный и пр. — в Законе не определен. Думается, что на этой «площадке» еще состоится состязание разных экономических и политических концепций, в том числе и руководства страны...

Проблема планомерности социально-экономического функционирования и развития общества будет нарастать и усиливать свою актуальность, но с новыми акцентами не только в России, но и в мировом масштабе. И в памяти о тех, кто внес свой вклад в теоретическое обоснование объективной закономерности ее возрастающей значимости и научную пропаганду, должно сохраниться имя Николая Александровича Цаголова.